

Наталья Пичугина
Галина Сорокина

Роман в четыре руки

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
ПЗ6

Пичугина Н. П., Сорокина Г. Г.

Роман в четыре руки / Пичугина Н. П., Сорокина Г. Г.; ред.
Пичугина Н. П.; худ. Пичугина Н. П. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 98 с.

ISBN 978-5-532-95208-9

Семейная история, написанная двумя авторами, матерью и дочерью, рассказывает о пяти поколениях советской и постсоветской эпохи — начиная с 30-х годов прошлого века и до сегодняшних дней. Атмосфера повествования отличается теплотой семейных взаимоотношений. Узнаваемо русский характер от первой до последней страницы книги в каждом персонаже, независимо от смены эпох — глубина чувств и недремлющая совесть при любом драматическом витке событий, внимание к другому и самоотверженность в человеческих отношениях — создает целительную атмосферу защищённости в семье и безопасности в мире для каждого её члена, независимо от географии его нахождения и исторических событий. Фигура бабушки, духовно объединяющей поколения и после своей смерти; женщины — хранительницы душевного тепла в семье и тыла для каждого из его членов, — передают эти знания в наследство своим потомкам.

ISBN 978-5-532-95208-9

© Пичугина Н. П., Сорокина Г. Г., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

I	4
Ольга	6
II	17
Ольга (продолжение)	19
III	22
Ольга (продолжение)	23
IV	27
Ольга (продолжение)	29
V	35
Гарик	37
VI	43
Гарик (продолжение)	45
VII	57
Отец	61
VIII	69
Лето	71
IX	78
Таисия	80
X	86
Сёстры	87
XI	98

Как только старший сын сообщил Жеке, что бабушка Полина попала в реанимацию, она собралась меньше, чем за неделю. На самом деле она собралась за три дня, но перед этим был намечен переезд с одной квартиры на другую, пришлось задержаться еще на два дня, в которые младший сын тоже решил ехать к бабушке. Вместе с младшим сыном они перевезли вещи со старой квартиры и расставили их по местам на новой быстро, неумоимо, молча и без сна.

С момента сообщения, она впала в шок, похожий на тот, который пережила однажды, когда младший трехмесячный сын заболел корью до прививки и не мог глотать даже воду. Она тогда как бы внутренне замерла и перестала есть, пить и спать, непрерывно развешивала по квартире мокрые простыни, чтобы увлажнить воздух для дыхания младенца, выполняла все требования врача и вся превратилась в неусыпный локатор состояния ребенка – и день... был зимний ясный день за окном, врач приходила делать уколы на дом... и ночь, и еще день. На вторую ночь её организм не выдержал, и она уснула у кровати сына. В смертельном ужасе она проснулась среди ночи, рванулась к ребенку – и увидела, что он тихо и ровно дышит, и личико у него отдохнуло от болезни. Кризис прошел. Она отмерла – и тут же уснула мертвым сном.

Второй раз она пережила такой же шок лежа в больнице, когда ей сообщили, что старшего восьмилетнего сына госпитализировали в ту же больницу с менингитом и он находится без сознания. Она замерла. По состоянию здоровья её не допустили к инфекционным больным, но рассказывали, что именно происходит с её ребенком и как врачи за ним ухаживают. Её отвезли на коляске к детскому отделению и издалека через проем двери показали, как на кровати лежит её сын, он даже двигал ручкой, но движения были бессознательные. Только через неделю опасность миновала – и она отмерла. Время снова побежало.

Теперь, готовясь к отъезду, она старалась ничего не забыть, и пришлось переделать массу дел. Она их выполняла организованно,

четко, скрупулезно, быстро, согласно своему характеру. Но собрать чемодан оказалось самым сложным. Он стоял открытым три дня, пока она складывала в него вещи и вынимала, пытаясь предвидеть, что именно может понадобиться, но сознание рассеивалось. И она снова складывала в него вещи и опять вынимала, и закрыла его с отчаянием в последнюю минуту, понимая, что сталкивается с таким затруднением первый раз. В итоге уже в Москве оказалось, что она не взяла самого главного.

Ольга

Ольга позвонила и на этот раз, сказала:

– Поздравляю с рождением, как вы там, что пишет Жека, пишет ли? – Сказала, что у них в доме всё более или менее терпимо, дети работают, внуки подрастают, вот только с деньгами всё хуже и хуже, очень дорогими стали продукты, но ничего не поделаешь, пока руки, ноги, голова работают, живы будем – не помрём, надо перемогать. – Ты тоже уж держись, – сказала Ольга, – не бойсь, не болей.

– Славе твоему дорогову, – почему-то не совсем к месту поторопилась вставить Полина между своими ответными «да, да, спасибо, дорогая, да, да», – Славе твоему не забудь отдельный передать привет, скажи ему, что мы всегда с теплом его вспоминаем, что любим его... да, да, будь здорова.

Полина начинала в ответ частить, потому что жалела, что Ольге придётся за долгий разговор платить. Ольга улавливала это, прямо и говорила: «Не торопись, раз в год можно и разгуляться немного. Если ничего особого не случится, через год снова тебя поздравлю». Ольгины простые слова, в которых всегдашнее её благоволение ко всему и вся, непритязательные её, неизменно спокойные, интонации действовали на Полину прямо-таки целительным образом, словно во всём её московском доме прибывало домашности, родства, бытовой упорядоченности, флюидов надёжности. Казалось даже, что по всей квартире поплыли замечательные запахи – до сверкания отмытого пола, источающего пенную чистоту сохнущего белья и – ни на что иное не похожий аромат вынимаемого из кипящего масла на огромное длинное блюдо золотистого хвороста, еще не присыпанного слегка сахарной пудрой, который умела печь только Ольгина мать, Полинина тётка.

Образ этого тёткиного довоенного печенья, запас которого на широченном подоконнике в кухне ораниенбаумской дачи, казалось, никогда не убывал, хотя четверо детей растаскивали эти хрустящие бантики безоглядно, всплывает перед Полиной неизменно именно при мысли об Ольге, а ведь тётя Валя была мать и ещё троим,

кроме Ольги – Юре, Лёве и Валеку, а после войны – и Татьяне... Полина всем им двоюродная сестра – племянница по Гарику, который родной брат тёти Вали, а оба они бабушкины дети. И почему-то именно в Ольгину натуру впечаталось что-то такое от довоенной тёти Вали, от довоенной бабушки, от довоенного дяди Вали, от довоенной домашней сути вообще, что очень отличает её от других её братьев и сестёр. Некая неразрушаемая гармония личного внутреннего жизненного нерва с нервом жизни как таковой. Подобных Ольге Полине, считает она, не встречалось. Когда-то сама Полина по молодости лет видела в юной Ольге предельно добродушное покладистое существо, которому ничего не досталось – ни от грациозной фигуры матери (“вся в отца”), ни от нежных черт материнского лица, обрамленного пшеничной стрижкой по моде тридцатых годов, так и не измененной до конца её дней. В отличие от своих братьев, Ольга никогда не создавала для взрослых никаких проблем. Росла потихоньку, играла – ни видно, ни слышно, не плакала из-за ссадин, а говорила “до свадьбы заживёт” и улыбалась подбадривающе тому, кто начинал хлопотать вокруг её вывихнутой ноги или окровавленной ладошки, посуду мыла вполне охотно с самого малолетства, училась спокойно, без двоек, на тройки-четверки, техникум закончила, послали на завод к станку, поработала там, потом тихо-спокойно сама “записалась в маляры”.

Никаких ставок семья на Ольгу не делала – дочь одним своим существованием уравнивала «вечные двигатели» в облике троих, неутомимых в мальчишестве, сыновей органической непретенциозностью, предсказуемостью поведения, бесконфликтностью характера, нормальностью желаний, ровно веселым, легким, нестроптивным нравом.

– Оля, попасёшь Красотку? – спрашивала её бабушка, – на горке?

Красотка – породистая коза, завели её в городских условиях с подачи бабушкиной приятельницы: «Полтора литра будет молока давать!»

– Попасу, – соглашалась восьмилетняя Ольга.

– Вобьёшь колышек в землю, привяжешь её. А сама можешь сидеть, книжку читать.

– Я так посижу, кругом посмотрю, – говорила Ольга, – с горки...

Приходила Оля домой через несколько часов, на козу ворчала: «Говорят же тебе, пора во двор, траву ведь не себе я рвала, тебе-бе-бе, те-бе-е,» – руки, ноги, губы, пол-лица в чём-то чёрном с прозеленью, с одного раза не отмываемом.

– Оля, разве травой можно так перепачкаться? Веточки-то у неё, за одну потянешь – вся плеть поднимается, а листочки малюсенькие. А ты – по уши непонятно в чём.

– А я на дерево лазила, правда в орехе внутри белая водичка, а кожа с него плохо снимается.

– Боже, – восклицала бабушка, – ты же навеки зелёным грецким орехом выкрасилась, знаешь, древние люди красили им одежду. И она не линяла.

– Да ты не волнуйся, ба, я другой травой ототрусь, давай, я посуду помою или пол, – отвечала Ольга. Она уже маленькая любила в доме мир.

Полина иногда удивленно думала про себя – Ольга никаких целей себе не ставит и ей не ставят. Разве это верно? С другой стороны, Полина говорила себе: Ольге словно ничто не мешает жить, разве этого мало? Всем что-либо обязательно мешает чувствовать себя нормально, в каждом из возрастов. Детские и отроческие обиды, по Фрейду, закрепляемые на всю оставшуюся жизнь, юношеская требовательность – не к себе, но к окружающим, неуступчивость первых, еще и не осознаваемых целей, какие и целями-то не назовёшь, неверное понимание амбиций – своих и чужих, и вообще – ненакатанность пути-дорожки, по которой человек перемещается по жизни: то туда дорожка скользнет, то сюда, а то и не сообразишь – куда, и страшным становится всё сразу. У Ольги ни обид, ни амбиций, ни страхов.

– Оля, что делать-то будем? Без бабушки – хоть пропадай...

Бабушку только что похоронили, незадолго до этого похоронили вернувшегося с войны израненного, очень долго болевшего Олиного отца, тёти Валиного мужа – дядю Валю, шесть лет «стоявшего» в Кронштадте. «Да, стояли, считай, неподвижно, зато почти как сама крепость,» – так дядя Валя сам комментировал, когда в семействе под рюмочку подшучивали: «Папа, про тебя говорят «всю войну *прошёл*», да еще с гаком, – как это *прошёл*, ты же камнем лежал, небось мохом оброс?» Особенно любил подкинуть в домашнюю шутку перчику старший из детей – Юра, которого в четырнадцать лет – чтобы меньше осталось при себе детских голодных ртов, чтоб дисциплину узнал, чтобы спасти мальчишку более или менее наверняка – в четырнадцать лет из холодной-голодной сибирской эвакуации отправили «по знакомству» на корабль юнгой, где когда-то служил отец. «Я и то, – подтрунивал Юра, – вон сколько *прошёл* – от Находки почти до Японии. А если бы война не кончилась, и до Японии бы дошёл. Правда, ты шесть лет стоял, а я семь лет ходил. Справедливость во всем нужна, правда, «дядь Валь?» «Дядь Валь» – так Полина с детства называла тёткиного мужа, отца своих двоюродных братьев и сестёр. И после войны они, его дети, видимо, чтобы поддерживать атмосферу шуток-прибауток вокруг страдающего от неизлечивавшихся болей отца, тоже то и дело называли его «дядь Валь». Ольга даже высказалась на этот счёт по-своему:

– Мы кругом все Валентиновичи, мама – Валя, папа – Валя. Мне нравится!

...Юре было двадцать один год, когда он демобилизовался: Юру нельзя после семи морфлотовских лет семейными делами загружать. Ему погулять на воле надо, ему и жениться надо, девушку хорошую выбирать – не игрушки играть. Так и отец, и мать, и бабушка считали.

– Без бабушки – хоть пропадай, – тоненько повторяла тётя Валя, хрупкая, еще как девочка в талии, нежная всей своей внешностью – мать четверых оставшихся с ней одной теперь пацанят. Старшему десять, младшей – послевоенной – пять.

Девятилетняя Ольга баском повторила за матерью: «Без бабушки – хоть пропадай...» – А потом вдруг заявила: «А зачем пропадать?»

– Что ты сказала? – не поняла мать.

– А зачем пропадать?

«В ту минуту в Ольге почувствовала я, мать, дяди Валин характер, – спустя годы рассказывала тётка Полине, – он в первый же час нашего знакомства, когда ему было тридцать, а мне шестнадцать, сказал: «Запомни: мы с тобой никогда и нигде не пропадём...» Я ещё была дура, напуганная голодом, наступившим после НЭПа, нищетой, с которой мы с вашей будущей бабушкой никак справиться не могли, хотя и я, и твой папа уже работали. Я спросила его: «Почему вы так говорите, Валентин Валентинович?» – «Долго объяснять, но ты повтори сейчас за мной по словам: мы с тобой никогда и нигде не пропадём». И я повторила.»

Но Ольга-то никогда не слышала отцовских слов? Или слышала?

А спустя еще какое-то количество лет, когда самой Полине пришла пора сказать себе «хоть пропадай», она вспомнила этот рассказ тёти Вали, которой уже тоже не было в живых, и испытала благодарное тепло к Ольге. И это Ольгино тепло, выходит, и собственное тепло привело Полину в чувство. В самом деле – а зачем пропадать?

...Потом почему-то вспомнилась Ольга четырехлетняя: двор, белый от солнца, огромный внутри высокого ракушечного камня забора, тоже выбеленного солнцем, скамья, таз с розовой от марганцовки водой, сопящая от напряжения Оля, вылетающая из дома тётя Валя: «Что с тобой? Что с тобой?» – И – Ольгин басок:

– Я ударила...

– Что ударила? Где?

– Да вот, – руками приподняв свою ногу, Оля сказала: – Ту, которая ходит.

Четырехлетний ребенок от неожиданности и боли забыл слово «нога». А они, вся ребятня – ведь постарше и, думали о себе – поумнее, сбежавшиеся на тётин Валин голос, и бабушка тоже, грохнули смехом, до истерики смеялись, до спазм в скулах и в животе: